В СТОРОНУ ДОБРОТЫ

Однажды в коридоре правления Союза писателей России ее встретил известный советский детский поэт и прозаик Георгий Афанасьевич Ладонщиков. Остановил и сказал: «Я читал ваши публикации в газете. Это хорошие, добротные зарисовки о природе и животных... сразу ощущается по ходу повествования, что автор — добрый человек. А это очень важно в литературе для детей. Попробуйте писать для детей. Уверен, у вас получится...» И она попробовала. Кто знает, может, если бы не та судьбоносная в творческом смысле встреча, не имели бы сегодня мы в лице Светланы Васильевны Вьюгиной одного из самых добрых и светлых писателей, пишущих для самого «трудного» читателя — для детей.

В чем миссия детского писателя? А в том, что во многом от него зависит не только то, каким вырастет маленький человечек, потому что плохие книги могут испортить людей не меньше, чем плохие друзья. Но зависит, вырастет ли человек читающим, любящим и ценящим книгу, ищущим в хорошей литературе ответы на многие вопросы жизни. Наше нынешнее время не назовешь светлым. Вроде и храмов стало больше, но хамов меньше почему-то не становится. В такое сумеречное время особенно важны доброта и свет, что исходят от страниц книг.

В особенности — книг для детей! Не одно поколение испортили «вредные советы» и прочие заходерзости, ведь все мы родом из детства.

Если человеком, который направил Светлану Вьюгину в детскую литературу именно в преддверии того, как этой литературе особенно понадобится свет доброты, был Георгий Ладонщиков, то первым журналом, отметившим приход Вьюгиной в детскую литературу, напечатав рассказ, был знаменитый журнал «Мурзилка». Почин «Мурзилки» в отношении публикаций Светланы Вьюгиной подхватили знаменитые издания «Юный натуралист», «Веселые картинки», «О русская земля», «Простоквашино»... От них не отстают и журналы, где печатается литература для взрослых читателей — «Дон», «Русское эхо», «Север», «Балтика»... Даже по названиям журналов видно, насколько широка география публикаций Вьюгиной! А названия ее книг настолько «вкусны», что каждое название — замечательный добрый образ, который питает детскую душу, развивает и неназойливо учит доброте и заботе о ближнем. Вслушайтесь в эти замечательные названия книг — «Конопастик», «Сибирский Валенок», «Рыжий снег», «Черемуховое крылечко»! И вы словно сами окунетесь в детство, которое является для каждого ребенка тем золотым запасом человеколюбия, который согревает человека всю жизнь.

В творчестве Светланы Вьюгиной, светлой, улыбчивой и скромной женщины, есть ощущение таинства первооткрытия мира и свежесть детского восприятия окружающего. Этому не научат ни в одном литературном институте. С этим надо родиться, ведь это — дар свыше. Вот мнение известного писателя Михаила Годенко о неповторимости вьюгинского литературного почерка:

«Далеко не всем удается так искренне и просто писать для малышей о красоте и сложности нашего бытия, о его многообразии. Каждая мелочь волнует автора, словно впервые увиденная глазами ребенка. Вот на травинку опустился тяжелый жук... А вот на ладонь вспрыгнул изумрудный лягушонок — и целый мир отражается в его глазах. Кто-то в спешке не заметит, пройдет мимо, а то и раздавит. А у писательницы из каждой такой встречи рождается рассказ. Вроде бы легко и просто написано, никаких «художественных ухищрений», а так и видишь перед собой тихий деревенский пейзаж, любопытную птицу или лесного зверя, чувствуешь тепло деревянного крылечка или горьковатый запах черемухи. А все дело — в особом чувстве слова... Рассказывая о природе, писательница на самом деле говорит о людях, какие они: добрые, отзывчивые, внимательные или, наоборот, злые, равнодушные, бестактные. Светлана Васильевна живет в Москве — городе шумном, переполненном людьми и машинами. Но даже здесь, гуляя с любимым псом Диком или спеша по делу, она всегда увидит нечто такое, что остановит ее внимание: умную ворону-москвичку, первые желтые цветочки мать-и-мачехи или только что прилетевших селезня и уточку на городском пруду. А уж сколько радостных событий ждет летом на даче! Здесь и добрые соседи, и своенравная корова Зозуля, и деревенские собаки, кошки, куры. Думаю, вы с удовольствием познакомитесь и с юными героями рассказов: Вовой, Ваней, Машей — и подружитесь с их домашними питомцами: попугайчиком Ромой, щенком Диком, филином Угошей и другими...»

Вот уже много лет ни одно литературное событие в курском соловьином крае (это малая родина ее покойного мужа — писателя Ивана Тертычного) не обходится без участия Светланы Вьюгиной. Литературные праздники на родине предков Вьюгиной в Судже, встречи с земляками покойного супруга-писателя в Обоянском районе, международный фестиваль литературы и искусства славянского порубежья в Курске, книжная ярмарка, съезды курских литераторов... Однако особая забота Светланы Васильевны — это литературный лицей при Доме литератора. Всякий приезд Вьюгиной в этот лицей означает, что

книжные библиотечные собрания ощутимо пополнятся!

Детский писатель Радий Погодин, видимо, с учетом современной российской моды на все японское, считает, что нам не грех поучиться у этой просвещенной нации: «В основу детской литературы полагается доброта. Японцы переводят почти все детское, что издается у нас в России, кроме книжек с уголовщиной и прочими социальными проблемами. Они считают, что каждому возрасту свой напиток: детям — молоко, взрослым — пиво. Но если дети пьют пиво, то взрослые глотают слезы».

А еще недавно говорили по телефону с одной поэтессой о премудростях литературного процесса. И собеседница моя сказала мудрую вещь, что мы живем, по сути, в одном доме. Литературном доме! А в доме всякое бывает. Но при этом мы должны понимать, что не все, что говорится и делается на кухне, в спальне и в туалете, должно доноситься до слуха в гостиной. Про детскую комнату поэтесса не упомянула почему-то, а я сразу подумал именно про детскую комнату! Ведь и до слуха в детской далеко не все, что говорится и делается в спальне, туалете и кухне, должно доноситься. Взрослая жизнь непроста и противоречива. Когда в детской комнате слышен мат-перемат, доносящийся из кухни, где взрослые пьют пиво, ничего хорошего дом и семью не ждет.

Но очевидно ведь и то, что ребенок однажды покинет детскую, и ему надо будет жить во взрослом мире. И это налагает на взрослых особенно непростую задачу. Научить ребенка отличать добро от зла. Чтобы, присоединяясь к добру, он творил благо для себя и окружающих. Чтобы все его движения души и поступки были в сторону доброты. Чтобы постиг он православную мудрость: «Отойди от зла и тем сотворишь благо». Потому писать для детей очень непросто. А уж писать для детей «трудного» возраста — вдвойне трудно. Сюсюканья взрослеющие дети не терпят и недоговоренностей в силу максимализма подросткового не любят.

Об этом думается, когда берешь в руки новую книгу Светланы Вьюгиной «Волшебное словечко». Книга вышла в московском издательстве «Ихтиос» в 2019 году. Я бы определил ее, как книгу для самого непростого читателя — для подростков, которые выходят из золотого детства, пронизанного доверием к миру. И открывают для себя мир взрослый — непростой, трагический, противоречивый. Мир, который требует от них нравственного выбора в самых непростых ситуациях. И тут даже дело не в том, что надо уметь отличать зло от добра. Потому что и зло, и добро — понятия относительные.

До сих пор ведь наше общество расколото отношением к поступку Павлика Морозова, который из-за своих коммунистических убеждений фактически предал отца и близких людей. Хотя, когда вспомнишь, что эти взрослые люди сделали потом с мальчишкой, то как-то отпадает охота осуждать Павлика! Общество спорит на тему нравственной оценки поступка этого мальчика. То ли он предатель, то ли убежденный идейный мальчик? И ответа однозначного на этот вопрос нет! И, похоже, не будет.

В рассказе Светланы Вьюгиной «Папа не пил...» перед подобным выбором — предать или не предать одного самого близкого человека — отца — другому самому близкому человеку — матери — сталкивается девочка, которая примерно возраста Павлика Морозова. Мама отправляет дочку сопровождать папу в магазин, наказывая, чтобы дочь не позволяла отцу выпивать с друзьями. Но у отца свои резоны. Накануне праздника Победы отец, недавний фронтовик, считает обязательным встретиться с друзьями, со многими из которых он прошел трудными дорогами войны. И вот уже дочка сидит в пивной и ждет, пока папа выпьет и поговорит с друзьями. Она не осуждает отца. Хотя, конечно, ситуация ее удручает, она думает, что же скажет потом маме, которая велела ей не позволять отцу выпивать?

В пивной, где ребенку, конечно же, не место, дочка видит фронтовиков-инвалидов на колясках. По росту они, поскольку сидят в колясках, равны девочке. И тут она вдруг осознает, что видит окружающее с их ракурса, как бы их глазами, глазами инвалидов-фронтовиков. Читаешь и думаешь: «Какой же тонкий психолог Светлана Вьюгина! Как филигранно умеет она небольшими деталями сказать о таких глубоких философских вещах, о которых иногда и в целой книге сказать не скажешь?»

И вот уже папа, радостный после встречи с друзьями, идет с дочкой домой. А дома мама, увидев, что папа вроде бы слегка навеселе, начинает допытываться у дочки — пил ли папа? Вот тут девочке и приходится сделать выбор, который непрост даже для взрослого человека, а уж для ребенка — тем более. И выбор этот в нравственном отношении даже потруднее выбора Павлика Морозова. Потому что сказать правду о папе, значит, фактически предать папу. А не сказать правду — значит, обмануть маму. Ребенку приходится делать выбор даже не между добром и злом, как ни размыты эти понятия в наше время. Ей приходится выбирать между бóльшим и меньшим злом.

Девочка, видевшая фронтовиков и понимающая своего отца не просто как главу семьи, но как защитника родины, для которого фронтовое братство — не просто поход в пивную, твердо говорит маме: «Папа не пил...» И стоит на своем так крепко, как, наверное, в свое время насмерть стоял на рубежах отец, защищая свою будущую, еще неродившуюся дочь...

В другом рассказе «Пионер» все дети тоже так или иначе делают свой личный выбор в момент, когда с одноклассника срывают пионерский галстук за то, что он, советский пионер, справлял Пасху вместо того, чтобы собирать металлолом. Видимо, речь идет о том времени, которое можно назвать православным социализмом — о 70-80-х годах прошлого века, когда вера в коммунизм не мешала советским людям на Пасху красить яйца и печь куличи. Но вот, как видим, некоторые особо идейные пионервожатые не дремали, проявляя атеистическую бдительность... Повествование ведется от имени девочки, которая с недоумением примеряет ситуацию на себя, зная, что многие дети едят на Пасху крашеные яйца и помогают маме печь куличи. Девочка, которая могла отмолчаться, как все, делает свой выбор — пытается, пусть неловко, оправдать одноклассника. И все дети, как мы видим из повествования, делают аналогичный выбор — в сторону добра. В противном случае возникла бы ситуация почти библейского смысла — распни его!

Жаль, что я не работаю в Министерстве образования. А то бы непременно постарался, чтобы рассказы Светланы Вьюгиной стали предметом чтения и темой дискуссий в подростковой среде. Ведь от того нравственного выбора, что сделают наши внуки и дети, зависит не только будущее наших семей, но и будущее страны. Очень бы хотелось, чтобы этот выбор был в сторону доброты.

Эдуард АНАШКИН,
член Союза писателей России

БОЦМАН, СПАСАЙСЯ!

В нашем поселке никогда не было цирка. А жаль!.. Я бы очень пригодился и цирку, и его артистам, и, конечно, порадовал бы многих зрителей. Вот мне сейчас десять лет, я еще очень молодой, как говорит папа, а уже, между прочим, пересмотрел по телевизору все цирковые представления. И российские, и китайские, и французские... Я часто фантазировал, что давно и ловко работаю гимнастом, вечерами парю под высоким-высоким куполом... Или — дрессировщиком:

по моей команде из-за кулис выбегают и кувыркаются на ходу маленькие веселые обезьянки... Свет прожекторов... Смех зрителей... А еще я представлял, как на арену выбегают клоуны и жонглируют цветными кеглями, — и я вместе с ними... А иногда мне хотелось увидеть не на экране, а по-настоящему, как слоны хоботом снимают шляпу с головы конферансье.

В конце апреля наша учительница Вера Дмитриевна стала готовить с нами концерт, посвященный окончанию учебного года. Вера Дмитриевна сказала, что она умеет играть на гитаре, девочки будут разучивать новые песни. Сережа Курицкий решил прочитать со сцены поэму «Мцыри». Женя Шелюк, самая красивая девочка в классе, объявила, что исполнит свой лучший танец — «Танцующая бабочка»...

— Все должны, ребята, выступить, все, — говорила нам Вера Дмитриевна. — Ведь у каждого человека есть свой талант. Хотите — фокусы показывайте, хотите — стихи читайте...

Вот тут-то мы с Надей Гуськовой и решили заняться дрессировкой. Два или три дня мы присматривались к гусыне в нашем дворовом сарайчике, но гусыня на все попытки подружиться с ней отвечала шипением, гоготанием и больно щипалась. Еще два или три дня мы занимались дрессировкой рыжего толстяка-кота Сепика. Он — молодец! — и лапку давал, и мяукал по команде, но после этого ложился на спину и требовал, чтобы с ним играли. Это было совсем не смешно. Это было скучно. Вот тогда мы и взялись за поросенка Жэку. Жэка все время хотел есть. Вот так мы и подобрали ключик к нему. Надя чесала будущего артиста за ухом, а я громко объявлял:

— Наш артист — не просто свин. Он — математик!

При этом я задумчиво указывал пальцем в небо и кидал в миску одно печеньице. Жэка с веселым хрюком подхватывал его. А если — два печеньица?.. Жэка, дважды хрюкнув, поочередно подхватывал их. Несколько занятий, несколько пакетов печенья — и яркое выступление готово!

Утром, в день выступления, мы помыли молодого артиста в давнишней ничейной ванне под навесом сарайчика, вытерли его большим банным полотенцем. Красавец! Поросенок, кажется, по-настоящему вошел в роль артиста. Весело похрюкивал, вертелся во все стороны... Наверное, он быстро понял, что когда он хрюкает, то получает печенье.

И вот мы натянули на поросенка ушитую Надиной мамой старую тельняшку ее мужа, дяди Гриши. Он, говорила Надя, служил когда-то боцманом на корабле. И повели артиста выступать. Это были минуты нашей большой радости и гордости. Мы шли по улице, за нами бежала малышня и кричала:

— Поросенок, поросенок в тельняшке! К нам приехал ци-и-рк! Ура!

Мы сразу прошли в актовый зал. Жэка, было понятно, хотел есть, и мы боялись, что он начнет требовать печенье раньше времени. Надо, надо спешить! А артисту, между прочим, понравилось большое скопление зрителей. И он уже весело постукивал копытцами и вертел по сторонам своим пятачком. Артист был молод и приключения ему еще не надоели; они только-только начинались.

Ну вот, наконец, девочки спели свои песни и песенки, сыграла что-то грустное на гитаре Вера Дмитриевна, Сережа Курицкий прочитал «Мцыри», сестры-близняшки Векшины, пританцовывая, покрутили-повертели какой-то блестящий шар над своими головами... И вдруг наш

артист без объявления номера решительно засеменил прямо к сцене. Видно, его мучила жажда большой славы. Но, как оказалось, дело тут оказалось в другом: на столике, за которым сидел ведущий концерта, стояла вода в бутылочках и тарелка... с печеньем. Жэка учуял запах лакомства!..

Надя Гуськова опомнилась первой и быстро подошла к микрофону:

— Наш артист... наш Боцман опаздывает на концерт в детский сад. Можно, он выступит прямо сейчас? Пропустите нас без очереди...

Мы были спасены.

Зал аплодировал и аплодировал... Боцман отлично считал до двух, трех, четырех... Потом, когда закончилось печенье, он вырвался из шлейки и побежал из зала... Мы с Надькой бросились за ним. Мы бежали, а вслед нам ребята с восторгом кричали:

— Боцман! Артист! Спасайся!

Дома мы сняли с Боцмана полосатую моряцкую майку, потом напоили его теплым молоком. Боцман ткнулся мокрым круглым носом в мою ладонь, постоял-постоял и повалился набок. И мигом уснул.

Утром папа принес мне обещанный ко дню рождения велосипед и сказал, что в воскресенье он повезет меня и соседку Надю в цирк.

— Не-а, пап, — сказал я, — лучше я на велике погоняю. А в цирк мы поедем со всем классом. Дмитрий Пантелеевич, директор, объявил, что такая поездка у нас будет осенью, после первого сентября.

КУДА УЕХАЛ ШАПИТО?

Из Верхнего Реутца они ехали на автобусе, наверное, целый час, точнее, он и брат ехали сначала до районного города на одном автобусе, старом, тесном — в нем что-то постукивало, позвякивало, поскрипывало, — потом, от автостанции до большого города, областного, на блестящем бесшумном автобусе.

Артемка был здесь впервые: туда-сюда бежали по главной улице троллейбусы, разноцветные большие и маленькие автобусы, легковые автомашины; а вон там, из переулка, вывернул трамвай, позвенел-позвенел и, набирая скорость, быстро заскользил вниз, с горки...

Брат взял его за руку, и они пошли вдоль стеклянных витрин, в тени старых лип.

— А вон там — видишь, Артем? — за церковью, мой колледж. А сюда мы ходим с ребятами покупать чебуреки. Они здесь самые вкусные. Понял? Видишь, написано «Чебуречная»?

Вадиму уже шестнадцать, он учится здесь уже два года, зимой живет в общежитии, только на каникулы приезжает домой, в село. И весь город обошел с ребятами вдоль и поперек. А Артем... Артем только-только окончил первый класс сельской школы, и ему хочется многое узнать, хочется часто бывать в этом шумном городе...

— Ножичек, Вадя... — тихонько напомнил он брату.

— Серебряный ножичек? Помню!.. Давай зайдем в «Товары для дома»...

И вот они уже идут дальше, под горку. Артемка держит руку в кармане; ее приятно холодит тяжелое узорчатое тельце складного ножичка, точь-в-точь такого, как у его одноклассника Вальки Тельцова.

Внизу, на зеленой площадке, стоит огромный круглый шатер (островерхая палатка), у будки с надписью «Билеты» стоят люди — взрослые и

дети. Артем поднимает голову повыше и видит на странном полотняном шатре большую надпись из отдельных букв: Ц И Р К.

— Вадька, цирк! — громко шепчет он брату.

— Да, я тебя сюда, в цирк, и привез! Специально. Вон афиши кругом уже целую неделю висят, видишь?

Артемка цирк сто раз по телевизору видел: слоны, тигры, обезьянки, ну и, конечно, клоуны, они-то в цирке и есть самые главные, смешат всех до упаду.

Они взяли в кассе билеты и поднялись по лестнице под самую крышу.

— А где же слоны? — растерянно спросил Артемка брата. — И бегемоты?

Внизу, в огромной деревянной бочке, вокруг которой вверху расположились зрители, было пусто — ни зверей, ни людей. Никого.

— Понимаешь, Тем-Тем, этот цирк называется шапито. Он переезжает с места на место, путешествует. То есть это как бы часть большого цирка, где есть всякое. И вот, чтобы всех не растерять в пути, по стране ездит небольшая труппа. Но зрителям-то все равно радость. Не везде же есть цирки или аттракционы циркового уровня. А здесь есть и тигры, и жонглеры, и фокусники, и кое-что другое...

— Гляди-гляди, — остановил свой рассказ брат. — Внизу дверца открывается!

В самом низу, на арене, дверца открылась — и из нее вышел дяденька в черном кожаном костюме и шлеме. Он держал рукой за блестящий руль мотоцикл и с улыбкой, задрав голову, смотрел на зрителей. Потом открылась напротив него еще одна дверца — и появился на площадке его двойник: тоже в черном костюме, шлеме, с усами и с мотоциклом. Они помахали зрителям и завели ревущие моторы своих двухколесных машин. И вот один (тот самый, первый) оседлал мотоцикл и поехал по кругу — все быстрее и быстрее... Потом он каким-то странным образом оказался на круглой стене этой огромной бочки-аттракциона и понесся по ней — по кругу — поднимаясь все выше и выше... А навстречу ему уже, поднимаясь постепенно, несся второй гонщик-артист! Это было странно: они мчались по отвесной круглой стене — и не падали!

Артемка, сам того не замечая, вцепился в острый локоть брата и еле дышал... Чудо!

Очнулся он только от аплодисментов зрителей и сам стал бить в ладошки и кричать «Ура!»

А после, когда, казалось, зрителей нечем уже было удивить, из дверцы внизу вышла стройная, красивая, в тугом кожаном костюме, девушка. И она одна, разогнавшись по кругу арены, взобралась на мотоцикле на круглую отвесную стену — понеслась все быстрее и быстрее... И — ах! — сняла руки с блестящего руля и развела их в стороны. Ее кудрявые волосы — без шлема — неслись за нею, как черный дым, большие голубые глаза сияли, алый рот — полуоткрыт...

Когда они, оглушенные увиденным, сидели под зеленым навесом летнего кафе и ели мороженое, Вадька спросил:

— Говорят, после перерыва будут львы... Пойдем?

Артемка достал из кармана новенький ножичек, пощелкал туда-сюда серебряным лезвием и сказал:

— Нет, не пойдем.

Через месяц Артем снова приехал с братом в город. Они побывали в гостях у Вадькиного друга — Никиты. Тот сводил их в краеведческий музей. Поплавали на лодке по реке. Потом Артемка спросил у брата и у его друга:

— Может, сходим в цирк-шапито, а потом мороженое?..

— Нету шапито, — буркнул Никита.

— Да-да, Тем-Тем, уехал шапито... — сказал Вадим. — Правда, мороженое там есть... Хочешь?

— Как уехал! — поразился Артемка. — Я же еще хотел!.. Куда уехал шапито?

— Они же артисты, вольные путешественники. Куда хотят, туда и едут! — удивился вопросу Никита. — Ты что маленький? А! — хлопнул он себя по лбу. — Я чуть и не забыл. У моего соседа такой кот завелся — чистый крокодил. Зубастый и кусачий. Пойдем смотреть, ребята?

ПИОНЕР

Славку Шиляева исключили из пионеров ясным апрельским днем. Он стоял у школьной доски и, опустив голову, шмыгал носом. Наша пионервожатая Анна Антоновна (она у нас еще и историю преподавала, и занятия в танцевальном кружке вела) подошла и сорвала со Славы галстук. Очень спокойно и буднично. Мы все, одноклассники-пятиклассники, замерли от неожиданности.

— В то время, пока вы собирали металлолом, Шиляев праздновал Пасху и объедался куличами и крашеными яйцами... — говорила вожатая. — Какая дикость! В наше время...

Над нашими головами повисла жуткая тишина. Если уж честно, многие дома ели необыкновенные, праздничные, яйца, да и сами их красили с родителями. Правда, на сбор металлолома пришли всем классом, нас было много во дворе, и мы даже и не заметили, что Шиляева рядом нет. В тот день наш класс расчищал соседний пустырь от ржавого железного хлама. Потом пришла огромная грузовая машина и увезла металл в специальный приемный пункт. Нас собрали на пионерскую линейку и объявили, что заработанные деньги пойдут на обустройство школьного двора. Все радостно кричали «Ура! Ура!» и хлопали в ладоши. Было так весело!

И вот Слава стоит растерянно у доски.

Кажется, совсем недавно, когда Юрий Гагарин полетел в космос и его назвали космическим пионером, Славка сам не свой бегал по коридору и кричал:

— Гагарин тоже пионер! Он, как и мы, пионер!

«Зачем же его исключать? Так уж сразу?» — только и успела подумать я.

А Анна Антоновна, моя любимая учительница истории, у которой я четыре года танцевала в кружке бальных танцев, продолжала:

— Ты в церковь ходил на Пасху?

— Нет.

— А почему на сбор металлолома не пришел?

— Мама не пустила...

И вдруг Анна Антоновна, жестко, незнакомо усмехнувшись, спросила:

— А может, кто-то со мной не согласен? Может, кто-то хочет встать рядом с Шиляевым?

Вот уж чего не хотелось в тот момент, так это вставать рядом с Шиляевым. Но я все-таки подняла руку.

— Что ты? — недовольно буркнула любимая учительница-пионервожатая.

— А зачем сразу галстук снимать? Он же не Родину предал. Просто маму послушался. Может, он в Бога верит и не хочет в Пасху собирать металлолом?

Неуклюже вышло. Славка заплакал. Анна Антоновна разозлилась. И поволокла нас двоих к директору школы, добрейшему Дмитрию Пантелеевичу. Он отправил Анну Антоновну проводить урок. Шиляева тоже отправил в класс, мол, ты свое уже получил. А вот меня призадержал.

— Знаешь ли ты, голубушка, такое выражение: «Услужливый дурак опаснее врага?» — чуть усмехнувшись, спросил он.

— Знаю, знаю... — вздохнула я. Крылова мне частенько цитировала и мама.

— Ну, так и защищать надо умеючи, чтобы не усугубить положение товарища, — директор посчитал, что он сыграл роль сурового наставника и, легонько развернув меня за плечи, отправил учиться.

В классе, скосив глаза на Славку, увидела, что тот спокойно поедает бутерброды с соседкой по парте Верой Ивановской. Я же сидела за одной партой с Юркой Курицким. Юра протянул мне яблоко и посоветовал:

— Спокойно, спокойно!

После уроков меня позвали на заседание совета пионерской дружины. (Были раньше такие советы в школах.) Со мной пошел почти весь класс. Ребята маялись в коридоре, ожидая, чем дело закончится. Наступил вечер, за окном стало совсем темно, когда я вышла из пионерской комнаты. Шиляев появился перед ребятами раньше, уже с галстуком и сразу, как мне сказали, ушел домой. Несколько самых терпеливых мальчишек и девчонок ожидали меня в коридоре. Валерки среди них не было, впрочем, я никогда с ним и не дружила. А вот Володя Евграфов, опекавший меня уже несколько месяцев и проявляющий некоторые знаки особого внимания, вроде дергания за косички, бросился ко мне наперерез:

— Я тебя провожу!

— Смешной ты, Володя! Я ведь живу рядом со школой — отмахнулась я, принимая из его рук свой портфель.

...Но и сегодня, многие годы спустя, я благодарна Евграфову за то, что он меня дождался.